

Сергей Георгиевич Кара-Мурза –

доктор химических наук, генеральный директор Центра проблемного анализа и государственно-управленческого проектирования, главный научный сотрудник Института социально-политических исследований РАН, социолог, политолог, публицист, член Союза писателей России

Наука как корень России

Культурная травма, нанесенная населению России в последние десятилетия, разделила его по многим основаниям. Одна из таких причудливых и неожиданных линий разделения – отношение к науке. К науке вообще и особенно к той науке, которую мы унаследовали от исторической России – уже в форме советской науки.

Почему этот вопрос для нас важен? Прежде всего потому, что есть, на мой взгляд, в наших и патриотическом, и западническом умонастроениях фальшивая нота – принижать, а то и ненавидеть науку как особый, будоражащий тип познания. И нота эта действительна, из нее вырастают сначала установки массового сознания, а потом и политические позиции. Путь этот для нас губительный не только потому, что мир техники, без которого мы не сможем прокормиться и защититься, вырастает из науки. Наука, отделившись от религии, стала в Новое время играть та-

кую же роль в формировании человека, какую на протяжении тысячелетий до этого играла религия.

Наука – необычный, особый способ познания и понимания мира – зародилась на Западе. Но, укореняясь в других самобытных культурах, она становилась их частью, не теряя при этом своего корня – научного метода. Русская наука – как и японская или китайская – питается соками родной культуры, и в то же время сама питает культуру. Сегодня наша наука уже является силой, образующей народ. Лишившись ее, обув лапти и запалив лучину, мы бы перестали быть русскими – даже если нас при этом и не сожрали. А с наукой мы останемся русскими даже в лаптях – если придется собирать пяточки на новые лаборатории и заводы. Как много мы говорим о деиндустриализации, увядании нашей армии и нашего флота. Сердце болит, мы пытаемся их защитить. О науке мы говорим дежурные фразы: ах, мало финансируют. Не мало финанси-

руют, а именно вытесняют с лица земли. А ведь возродить промышленность несравнимо легче, чем науку. Наука — вещь хрупкая и непонятная. Многие страны вкладывают огромные деньги, чтобы вырастить или возродить свою национальную науку — и не получается. В России наука прижилась и расцвела замечательно. А теперь может погибнуть. Будут потом турецкие строители отстраивать новые лаборатории, как храмы, будут избирать новых академиков и нанимать лаборантов с хорошим окладом — а дух не вернется. Он веет, где хочет...

Некоторые в своем отрицании науки делают упор на том, что наука была советской — мол, порождение ненавистного строя. О советском строе в целом спорить не хочу, а что касается науки, то эти господа проявляют незнание. Советская наука была не просто продолжением русской науки, а ее расцветом. Трудно назвать что-либо советское, в чем русский дух раскрылся бы настолько полно, как в советской науке. (Разве что, пожалуй, еще в армии.) Здесь созрели и дали плоды те семена, которые были посеяны за двести лет до этого. Именно в XX веке на всем фронте науки сложилось то, что называется русским научным стилем — тот необычный взгляд и подход, который проявился у Дмитрия Менделеева, Владимира Вернадского, Николая Вавилова. Как жаль, что мы мало об этом знаем. Спросите студента: в чем суть русского научного стиля? Вряд ли он ответит. Как же так? Как же наши ученые, имея в сотни раз меньше средств, чем их американские коллеги, своим трудом позволили обеспечить военный паритет с Западом? Ведь это как-то надо объяснить.

Особенностью русской науки стало и сохранение в ее миро-

Николай Кисляков. Юный Ломоносов на пути в Москву. 1951 год

Русская наука питается соками родной культуры, и в то же время сама питает культуру. Сегодня наша наука уже является силой, образующей народ. Лишившись ее, обув лапти и запалив лучину, мы бы перестали быть русскими. А с наукой мы останемся русскими даже в лаптях — если придется собирать пятаки на новые лаборатории и заводы.

воззренческой матрице наряду с ньютоновской картиной мира космического чувства. На Западе научная революция, продолжив Реформацию, произвела десакрализацию мира, представив его как холодное и бездушное пространство. А в СССР утопия космизма соединилась с рациональной наукой, сведя такие разные культурные типы, как Константин Циолковский и

академик Сергей Королев. Образ вселенной как Космоса стал частью массового сознания в России. Астольф де Кюстин в своей книге «Россия в 1839 году» писал: «Нужно приехать в Россию, чтобы воочию увидеть результат этого ужасающего соединения европейского ума и науки с духом Азии». В этой особенности России де Кюстин усматривал одну из основ ее мощи. В 1951 г. его

В XX веке на всем фронте науки сложилось то, что называется русским научным стилем – тот необычный взгляд и подход, который проявился у Дмитрия Менделеева, Владимира Вернадского, Николая Вавилова.

книга была издана в США с предисловием директора ЦРУ Уолтера Беделла Смита, в котором было сказано, что «книга может быть названа лучшим произведением, когда-либо написанном о Советском Союзе».

Уже из этого видно, что реформирование и перестройка российской науки по западным шаблонам – исключительно рискованная операция.

Наука – часть культуры, причем сильно технизированная часть, принадлежащая и к духовной сфере, и к техносфере. Такие системы становятся матрицами, на которых воспроизводится то или иное общество. Переплетаясь друг с другом, они держат страну и культуру и задают то пространство, в котором страна существует и развивается. Складываясь исторически, а не логически, эти матрицы обладают большой инерцией, так что замена их на другие, даже

однозначно лучшие, всегда ведет к непредвиденным потерям.

Обстановка для спокойного разговора о науке в России сегодня неблагоприятна. Уровень понимания науки и ее роли резко снизился – из-за общего культурного спада. Сегодня тяга к простым решениям такова, что под наукой подразумевают технологию – приложения научного знания в виде новых продуктов или методов. Это – подмена предмета, ведущая к фатальным ошибкам. О технологии надо говорить особо.

Достоверное представление об объекте – одна из главных предпосылок для рационального управления. Главные ошибки в оценке полезности науки, особенно в период кризиса, порождены не отсутствием хороших методик «измерения эффективности», а структурными причинами – тем, что из поля зрения выпадают многие важные функ-

ции науки, которые просто не замечают, когда наука функционирует. Мы обычно не думаем о счастье дышать – а утопленники нам уже не могут это счастье растолковать.

Среди тех «продуктов науки», которые невозможно купить или позаимствовать за рубежом ни за какие деньги, есть и такие, которые необходимы для обеспечения политической, культурной и экономической независимости страны. Но даже если не считать независимость существенной ценностью, то справедливо и следующее утверждение – Россия долгое время жить без своей науки не сможет даже просто как страна. Наука – не только одна из полезных отраслей хозяйства и духовной деятельности, но и один из их корней. Через многие воздействия, которые нельзя получить извне, отечественная наука участвует в создании, скреплении и развитии России и ее народа. Вот главное значение той части науки, которая не может быть заменена импортом знания, технологий и экспертов.

Россия – как не просто страна, но и одна из цивилизаций – долгое время жить без своей науки не сможет. Когда поток знаний из мировой науки будет поступать в Россию, минуя «фильтр» собственной науки, которая увязывает эти знания с реальностью России, станут быстро размываться контуры нашей культуры.

Длительная эрозия науки постепенно лишит страну современной техносферы как целостной системы и сделает всю систему обороны недееспособной. Широкие круги общественности уже и не заметят ни того, какую роль играла в их жизни наука, ни момента, когда они ее необратимо лишатся. Не менее глубокие последствия окажет тихое исчезновение науки и на жизнеспособность государст-

ва. Из всех структур, обеспечивающих само существование цивилизованного человека в независимой стране, будет как будто вынут небольшой, но жизненно важный элемент. То, что не рухнет, увянет.

Перечислим самые очевидные функции, через которые наука участвует в воспроизводстве России. Во время кризиса эти функции и являются главным предметом оценки полезности науки.

Приоритетные функции науки в кризисный период

Наука через систему образования, СМИ и личные контакты как внутри, так и вне сообщества ученых формирует рационально мыслящего человека с современными взглядами на мир.

Не располагая крупным научным сообществом, Россия не смогла бы произвести эту работу, так как для восприятия научного знания и научного метода их надо «перевести» на язык родной культуры. Устойчивость народа в войне 1941–1945 гг. и в условиях кризиса 1990-х — результат длительного «воспитания наукой». Эта функция науки выполнялась в СССР с опорой на разветвленную сеть каналов — лекционную работу, издание широкого круга научно-популярной литературы и др. При сохранении нынешних тенденций в следующем поколении весьма вероятен культурный срыв. Дерационализация мышления в условиях социального стресса породит «цивилизацию трущоб» с массовым девиантным поведением, наркоманией и инфекционными заболеваниями. Экономический и социальный ущерб от «одичания» части населения не идет ни в какое сравнение с затратами на науку. Но вся гласная научная политика постсоветского вре-

мени строилась, исходя из иррациональных утверждений о «неконкурентоспособности» нашей науки, что якобы оправдывало демонтаж ее системы.

Наука, охватывая своими наблюдениями и исследованиями все пространство страны, дает знание о реальной и изменяющейся природной среде, в которую вписывается жизнь народа.

Этого знания не может заменить ни изучение иностранной литературы, ни приглашение иностранных экспертов. Слишком велик в исследовании био- и геосферы России вес неявного знания, хранящегося в памяти, навыках и личных архивах национального научного сообщества. Еще более сложной и широкой задачей является «объяснение» этого знания политикам и хозяйственникам, широким слоям народа. Это может сделать только авторитетное и достаточно крупное отечественное сообщество ученых и околонучных культурных кругов. Этот тип знания работает какое-то время даже после замораживания экспедиций и наблюдений — если остались ученые, сообщающие знание через множество каналов информации. Рыночные силы не поддерживают исследования, не дающие прибыли. Пример — катастрофа в Кармадонском ущелье в 2002 г., когда при сходе пульсирующего ледника погибли более 130 человек. Гляциолог из Института географии РАН рассказывает: «После схода ледника в 1969 г. по заказу Совмина Северной Осетии на Колку отправили экспедицию из сотрудников Института географии АН СССР. Несколько лет в 70-е годы специалисты-гляциологи изучали ледник и его поведение. В частности, был вычислен объем ледника, его критическая масса. <...> Как только масса превышает

эту отметку, ледник не выдерживает своего веса и сходит вниз». Но затем научные работы из-за прекращения финансирования в начале реформы были свернуты, ледник был оставлен без присмотра. В дальнейшем наблюдения за ледниками прекратились в РФ практически повсеместно.

В тесной связи с изменяющейся природной, техногенной и социальной средой изменяются люди и этносы, все общество. Процессы этно- и социогенеза, ускоряющиеся в условиях кризисов, не могут быть изучены и объяснены без национальной науки. Исследование «извне» всегда будет «империалистическим», изложенным на чужом языке. Сейчас народы России втянулись в процесс бурного этногенеза и социальных преобразований. Оставить этот процесс без научного сопровождения — значит заложить заряды незнания, которые взорвутся завтра. Пока что эта функция обеспечена усилиями старших поколений научных и практических работников, налицо опасность разрыва поколений и провала. Активное участие иностранных ученых и фондов чревато опасными искажениями.

Создаваемая техносфера сильно связана с природой и культурой страны. Хотя многие ее элементы могут быть импортированы, техносфера страны в большой степени зависит от непрерывных усилий отечественной науки.

В России уже создана огромная техносфера, которую должно «вести» адекватное по размерам и структуре отечественное научное сообщество. Без него эта техносфера не может быть даже безопасно демонтирована. Поддержка НИОКР через рыночные механизмы недостаточна, особенно когда речь идет о приоритетных исследованиях техногенных аварий и катастроф.

Наука через систему образования, СМИ и личные контакты как внутри, так и вне сообщества ученых формирует рационально мыслящего человека с современными взглядами на мир.

Мир в целом втягивается в глобальный кризис индустриализма. Россия первая испытала на себе воздействие этого кризиса. Наша наука уже накопила большое, хотя еще плохо оформленное, знание о поведении технологических, социальных и культурных систем при переходах «порядок—хаос». Развитие этого знания, новая постановка многих вопросов важны и для самой России, и для мирового сообщества.

В то же время Россия живет в быстро изменяющемся кризисном мире. Знания из этого мира, необходимые для существования России, поступают в нее извне в виде вещей и потока информации. Только сильная и структурно полная отечественная наука может

«втягивать» в страну нужное для нее знание из всей мировой цивилизации. Страны, не обладающие таким механизмом, получают отфильтрованное и ограниченное знание и утрачивают реальную независимость.

Что подвергли реформе

Условием успеха любой реформы является знание об объекте. В 1990-е годы была начата реформа советской науки. Социальная и культурная основы науки СССР были плохо изучены и поняты, как и вся советская система в целом. Сейчас специалисты разных общественных наук выясняют причины этого непонимания, а в 1990-е годы их коллеги пережили шок от не-

способности предвидеть глубину кризиса, вызванного реформой. Поведение многих систем в ходе их изменений было неожиданным, возникающие структуры оказывались непохожими ни на советские, ни на зарубежные. Науку, которую Россия унаследовала от СССР, стали реформировать, даже грубо не описав объект.

В 1918 г. основанием «общественного договора» научной интеллигенции с советской властью стало принятие стратегического решения не демонтировать структуры прежней «императорской» организационной системы науки, а укрепить ее и сделать ядром и высшей инстанцией в советской системе. Академия наук стала генератором сети научных учреждений. Согласование взглядов Совнаркома, Академии и — что менее известно — бывших министров и промышленников царской

Кармадонское ущелье

России позволило выработать и сразу начать ряд больших научно-технических программ (ГОЭЛРО, геологоразведки и атомной). Строительство науки планировалось как система. За структурную единицу был принят научно-исследовательский институт (НИИ) — новая форма учреждения. Только за 1918–1919 гг. было создано 33 таких института, ставших матрицей советской научной системы. К 1929 г. число НИИ достигло 406. В 1925 г. ЦИК и Совнарком приняли постановление «О признании Российской Академии наук высшим ученым учреждением Советского Союза».

Накануне Великой Отечественной войны в стране в основном был создан, по словам Сергея Вавилова, «сплошной научный и технический фронт», адекватный всем критическим проблемам развития и угрозам стране. Экзаменом, которому подверглась эта система, стала война. Эта

Наука, охватывая своими наблюдениями и исследованиями все пространство страны, дает знание о реальной и изменяющейся природной среде, в которую вписывается жизнь народа.

же система смогла быстро реализовать большие программы по созданию ракетно-ядерного щита СССР. Под стратегией научного строительства СССР была сильная методологическая база, созданная в Академии наук до революции. Игнорировать ее сегодня неразумно — а ведь ее главные принципы как будто забыли. Это поразительно!

Как это произошло? Научное сообщество СССР могло выделить группу авторитетных ученых, которые были способны спокойно объяснить власти, в чем стратегическая необходимость для страны той или иной научной программы, несмотря на ее внешнюю «неэффективность». Академики — монархисты и кадеты — могли объяснить это Ленину в личных беседах и докладах. Ака-

демики Абрам Иоффе, Петр Капица и Игорь Курчатов имели возможность в личных беседах объяснить это Сталину. Академик Мстислав Келдыш — Хрущеву и Брежневу, академик Анатолий Александров — Брежневу, Андропову и Черненко. Почему сегодня власть говорит языком чиновников Минобрнауки, совершенно неадекватным ни состоянию России, ни состоянию науки?

Строительство научной системы СССР в 20–30-е годы было целенаправленной сборкой научных сообществ. Это была большая и сложная программа — сегодня, когда наше общество переживает общую дезинтеграцию, ее изучение крайне актуально.

Более того, уже в первые годы существования СССР выяви-

лась системообразующая миссия науки как генератора базовых структур жизнеустройства. Наука стала включать в себя социальную инженерию и разработку технологий, основанных на научном анализе и предвидении. Советская власть успешно выполнила задачу целеполагания, собирания общества на основе понятной цели и консолидирующего проекта. Самой своей структурой научные программы создавали матрицу, на которой собиралась конструкция страны.

Доктрина 1990-х годов предполагала не реформирование науки, а ее необратимую трансформацию, как и всех других советских систем. Главным механизмом стало разго-

Общий культурный кризис и подрыв рационального мышления разрушили систему координат, в которых люди оценивали отечественную науку. Достаточно было запустить по СМИ поток совершенно бездоказательных утверждений о «неэффективности» науки, и травмированное катастрофой распада общество бросило ее на произвол судьбы, равнодушно наблюдая за ее уничтожением. Никаких разумных оснований для такой позиции не было, просто в массовом сознании были утрачены навыки понимания сложной структуры социальных функций отечественной науки, тем более в условиях кризиса. Надо признать, что и сама научная интеллигенция в

подрывная сила, разрушающая структуры просвещения и ту мировоззренческую основу, на которой была собрана нация России в XX веке. Произошла деформация одного из важнейших общественных институтов. Как это случилось, каковы тенденции, что можно им противопоставить? Ведь именно это — уровень тех проблем, которые должна была бы поставить на обсуждение РАН, но она отстранена от этой проблемы. Ощущение собственного бессилия перед лицом такого вызова травмировало ученых не меньше, чем сам вызов.

Со времен перестройки начались попытки «реструктуризации» Академии наук — ядра всей национальной научной системы. Они активизировались в 2004 г. и ведутся поныне. Аналитические службы давали заключения, что принципиальные положения реформы науки ложны, они противоречат знанию. В таких случаях министр или другой чиновник высокого уровня должен просить разъяснений у консультантов, но этого не было ни разу за все годы реформ. Более того, акция по «реформированию» РАН каждый раз готовилась скрытно, так что население РФ о ней практически ничего не знало! Беспрецедентной стала операция Минобрнауки в июне—июле 2013 г. Она вышла за рамки реформирования трех Академий наук и создала в политической системе России новый кризис, чреватый, на мой взгляд, тяжелыми последствиями. Правительство сделало внезапную молниеносную попытку ликвидировать прежнюю РАН, и большинство депутатов Госдумы (234 из 450) такую попытку поддержали. Эта операция была проведена как блицкриг, в полной секретности и с анонимностью авторов доктрины и плана, без предупреждения и

Мир в целом втягивается в глобальный кризис индустриализма. Наша наука уже накопила большое, хотя еще плохо оформленное, знание о поведении технологических, социальных и культурных систем при переходах «порядок—хаос». Развитие этого знания важно и для самой России, и для мирового сообщества.

сударствление. Эта утопия оказалась несостоятельной — ни отечественный, ни иностранный капитал не смогли и не пытались стать источниками средств и «заказчиками» науки. Огромная по масштабам и сложнейшая по структуре научно-техническая система России, непрерывно создававшаяся на протяжении 300 лет, была оставлена почти без средств и без социальной поддержки. Движение в том же направлении обречет Россию — независимо от того, какой социально-политический строй в ней установится, — на отбрасывание ее в разряд слаборазвитых стран. Доктрина реформы науки основана на целой системе фундаментальных ошибок, что и завело ее в историческую ловушку.

Кризис научной системы сопровождался резким изменением статуса науки в обществе.

своем осознании происходящего недалеко ушла от массовых представлений на сей счет. Важным проявлением кризиса российского общества стала активизация антинаучных течений. Главным инструментом обскурантизма и средством разрушения рационального сознания явились СМИ, особенно телевидение. Попытки ученых противостоять широкой пропаганде антинаучных взглядов оказались безуспешными, причем полностью, в принципе. Подобные усилия были низведены до ограниченной возможности «бороться с лженаукой» внутри своей корпорации.

Налицо социальное явление фундаментального значения. Средства массовой информации и книгоиздательская индустрия России систематически ведут оболванивание населения! Они действуют как

объяснений. Аргументация, заявленная в Госдуме, не может считаться ни прагматической, ни рациональной. Ответа на вопрос «зачем?» не было.

Сама форма прохождения этого законопроекта, думаю, внушила страх очень многим наблюдавшим за ней гражданам. Власть — страшная машина, и ее внезапные необъяснимые действия разумным людям внушают ужас. Зачем разрушать РАН? Какие геополитические задачи требуют сегодня такой жертвы? Зачем власти идти на конфронтацию с научно-технической интеллигенцией, за которой потянется весь «креативный класс»? Ведь на него эта власть и делает ставку. Зачем ради этой операции раскручивать антиинтеллектуальные настроения в массовом сознании? Ведь для любой власти это значит пилить сук, на котором она сидит. Зачем посылать на это дело Дмитрия Ливанова, который скорее всего искренне не знает, зачем нужна вся эта наука и тем более эта ветхая Академия наук? Он прекрасно организовал ЕГЭ, но это не значит, что он так же хорошо может управиться с РАН.

Разрушается наука, одна из несущих опор государства и страны, — и за все эти годы ни одного гласного совещания или слушания с обсуждением причинно-следственных связей между действиями правительства и разрушительными результатами. На фоне деиндустриализации устранение РАН кажется мелочью, люди привыкли оценивать негативные результаты реформ сотнями миллиардов долларов.

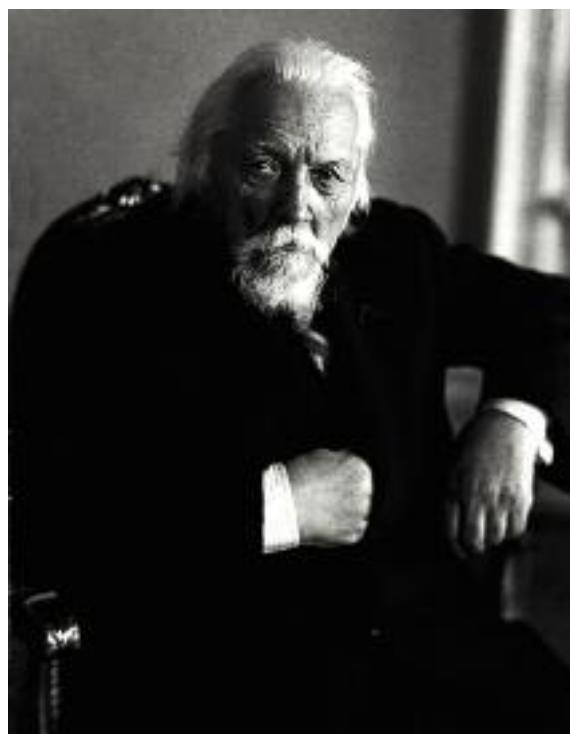
Что же такое РАН? Это особая форма организации науки, изобретенная в России применительно к ее историческим условиям — с периодическими срывами в нестабильность. Академия была построена как ковчег, в котором при очеред-

ном потопе спасалась часть научного сообщества с «сохраняемым вечно» фондом знаний и навыков — так, чтобы после потопа, на твердом берегу, можно было возродить российскую науку в ее структурной полноте и целостности. Современному поколению не объяснили, какую ценность построили для них деды и прадеды. Академия позволила России создать науку мирового класса, со своим стилем. В ней хранится генетический аппарат, воспроизводящий этот стиль в университетах, НИИ и КБ. От этого отводят разговорами про «эффективность»! Мол, у Академии наук экономическая эффективность низка. Какое нарушение здравого смысла! Понятие эф-

фективности в науке вообще неопределимо, а в данный момент в РФ тем более! Да кого интересует эта эффективность РАН на фоне реальных потерь и хищений?

Главная ценность Академии наук сегодня — это сохраняемые под ее крышей 40 тысяч российских ученых, представляющих собой всю структуру современной науки. Это колоссальный фонд знаний и навыков, сосредоточенный в седых головах этих людей. Их главная миссия сегодня — выжить как организованная общность и успеть передать сжатый сгусток уцелевших знаний и умений тем молодым, которые придут возрождать российскую науку.

Особенность науки, унаследованной постсоветской Россией, состоит в том, что ее ядро собрано в Академии наук. Это и синклит, задающий нор-

Александр Карпинский — президент Российской академии наук с 1917 года и первый президент Академии наук СССР

Строительство научной системы СССР в 20–30-е годы было целенаправленной сборкой научных сообществ. Советская власть успешно выполнила задачу целеполагания, собирания общества на основе понятной цели и консолидирующего проекта. Самой своей структурой научные программы создавали матрицу, на которой собиралась конструкция страны.

мы научности и научной этики, накладывающий санкции за их нарушения — без вмешательства бюрократии. Академия изначально была государственным (имперским) институтом и при любом режиме мобилизовывала через свои каналы все научные силы России для выполнения главных и срочных задач. В этой роли Академия позволяла России и СССР решать серьезные проблемы намного дешевле (иногда в сотни раз), чем на Западе.

Уклад Академии упростил контакты ученых по всему научному фронту, а также прямые контакты ведущих ученых со всеми производствами. Это была невидимая сетевая надведомственная система управления («через знание»), которая действовала вместе с государством, но быстрее. Академия могла исполнять роль

Владимир Фортов и Юрий Осипов

Разрушается наука, одна из несущих опор государства и страны, – и за все эти годы ни одного гласного совещания или слушания с обсуждением причинно-следственных связей между действиями правительства и разрушительными результатами. На фоне деиндустриализации устранение РАН кажется мелочью, люди привыкли оценивать негативные результаты реформ сотнями миллиардов долларов.

ядра науки потому, что в России она была элементом верховной власти, а не клубом или ассоциацией академиков. Наука через Академию стала системообразующим фактором всего бытия России новейшего времени.

В 1917–1921 гг. большевики, следуя урокам царей, собрали, сколько могли, ученых в Академии наук. Влиятельные пролеткультовцы пытались тогда разгромить Академию под теми же лозунгами, что и сегодня. Ленин пошел на конфликт с ними, строго запретив «озорничать около Академии наук», хотя она еще была не просто консервативной, но и монархической. Если бы в тот момент Академию наук не убергли, нить развития русской науки была бы оборвана и ни о какой индустриализации 30-х годов и победе в Великой Оте-

чественной войне не было бы и речи. Эту нить собираются оборвать сегодня – без войны, когда казна лопается от нефtedолларов.

Не надо иллюзий, это будет тяжелейшим ударом по России. Мы останемся без интеллектуального сообщества, которого не заменить никакими иностранными экспертами. Нынешние 40 тысяч ученых РАН не могут сегодня блистать на международных симпозиумах, быть конкурентоспособными и эффективно «производить знания», получая аплодисменты и обильное цитирование. Они стары, их приборы поломаны, а нищие лаборатории остались без реактивов.

Требовать от них «эффективности» – это все равно что гнать на старт тяжелолюбного спортсмена. Но эти люди

образуют коллектив, обладающий знанием и способный понимать, собирать и объяснять новое знание из мировой науки. Этот коллектив жизненно необходим стране и народу в нынешний период даже больше, чем в спокойные времена. Здесь, при всех болезнях кризисного времени, помнят и хранят нормы научной рациональности и этики, знают природу и техносферу России. Разгонят такое каткомное сообщество – и угаснут эти знания, нормы и память о них, как пламя свечи. Этот коллектив будет еще более необходим России завтра, когда молодежь начнет нащупывать дорогу из ямы кризиса. Тогда только отечественные ученые, обладающие опытом побед и бед России, владеющие русским научным стилем и, главное, любящие нашу землю и наш народ, смогут соединить здравый смысл с научным методом. Такой «зарубежной экспертизы» Россия не получит ни за какие деньги.

Пока что ситуация продолжает находиться в неустойчивом равновесии. Однако принципиальные установки правительства не изменились, не изменился и понятийный аппарат, с которым подходят к науке.

Мы как будто снова вернулись в 1990-е годы, ничему не научившись! Зная, какими индикаторами, измерительными инструментами и критериями для определения полезности науки пользуется Минобрнауки, приходится ожидать нового тяжелого удара по остаткам российской науки.

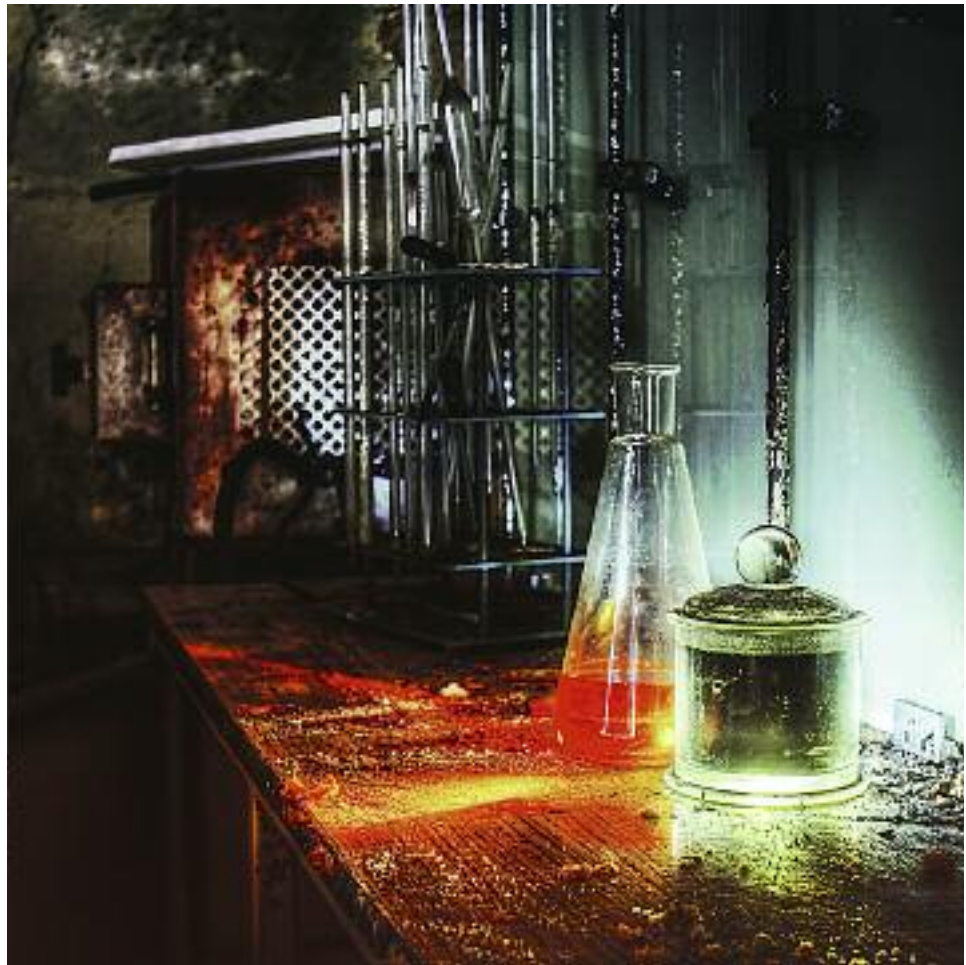
■ Разработка новой доктрины реформ науки требует подвести итог реформам в целом и сформулировать принципы научной политики государства на предстоящий период.

Это — сложные комплексные задачи, от них не уйти.

Настоятельно требуется диалог власти с научным сообществом. Надежды на то, что реформу можно успешно провести без согласия и даже без диалога с учеными, несбыточны. Такого диалога не было до настоящего времени. Для него не было ни площадки, ни формата, ни реальной повестки дня, ни наделенных авторитетом «делегаций» с обеих сторон. Дело ограничивалось протокольными встречами, короткими репликами и подготовленными анонимно решениями правительства, которые не только не выносились на обсуждение, но и не предполагали вопросов.

Отказ от диалога в 1990-е годы привел к тому, что научная политика правительства воспринималась как демонтаж национальной системы науки с ориентацией на импорт технологий. Это создало разрыв между научной средой и властью.

Уклоняться от реформы, пытаться сохранить остатки советской системы, нежелательно и невозможно. Положение научной системы является критическим, инерция угасания и распада велика, самоорганизации осколков прежней системы в способные к выживанию и развитию структуры не происходит. А значит, научная политика государства должна стать активной. Переходить к ней, если всерьез ставится цель спасения науки и вывода ее из кризиса, невозможно без пересмотра исходных фундаментальных положений прежней доктрины и оснований нынешнего курса. Процесс регресса и демонтажа большой научной системы СССР не имеет исторических precedентов и является неизученным (как и многие другие процессы в ходе деиндустриализации России). Научные коллективы, которые

Положение научной системы является критическим, инерция угасания и распада велика, самоорганизации осколков прежней системы в способные к выживанию и развитию структуры не происходит. А значит, научная политика государства должна стать активной.

могли бы «сопровождать» реформу, изучая порожденные ей в науке процессы, после 1991 г. распались, были ликвидированы или ушли в тень. Сегодня деидеологизированное изучение того, что произошло с наукой России, — необходимая работа, имеющая общее значение. Был проведен огромный, небывалый в истории эксперимент, он на время приоткрыл важнейшие пласты знания о науке и ее месте в обществе. Нельзя допустить, чтобы это знание было потеряно.

Сокращение и «сжатие» оставшейся от СССР, но еще сохраняющейся массы научных ресурсов, их преобразование в

материал для новой системы требуют осуществить структурно-функциональный анализ науки применительно к условиям России на предстоящий период, а также основательное проектирование. Необходимо не удушение, а строительство научной системы с иной структурой и иной динамикой. Кризис трансформации, который переживает Россия, породил много болезненных проблем, но в то же время он создает благоприятные условия для такого строительства, пока не укрепилась застойные «структуры выживания», возникшие за минувшие двадцать с небольшим лет.